

18+ Александр Глухов

Сказки Белой Горы

Александр Глухов
Сказки Белой Горы

«Издательские решения»

Глухов А.

Сказки Белой Горы / А. Глухов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982849-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Серия рассказов о жизни и быте осужденных,
отбывающих наказание в ИК-4 г. Плавска, п. Белая Гора, не потерявших
чувство юмора.

ISBN 978-5-44-982849-1

© Глухов А.
© Издательские решения

Содержание

Проверки	6
Наши будни	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сказки Белой Горы

Александр Глухов

© Александр Глухов, 2020

ISBN 978-5-4498-2849-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проверки

Под многоголосья переливы
Как под шум растерянных галчат,
На проверку шли неторопливо
Летописец, Амфибрахий и Кучак.

От проверок есть три спасения: дождь, мороз и личная убогая ущербность. Дождик выручает гораздо чаще, чем лютый холод, а что касается инвалидности, лучше обладать приличным здоровьем, чем валяться неизлечимо больным на койке. Проверки проводятся дважды в день, однообразно и... весело.

Если ветер дует со стороны свинарника, или похожего объекта, мы, с вежливой брезгливостью принимаемся друг к другу. Во все остальные дни, народ нашего барака балаболит во время пересчета, или решает наболевшие вопросы.

Мы выходим нарочито медленно, всем своим видом демонстрируя презрение к контролерам, режимникам и прочим представителям надзорно-карательного ведомства. В нашем отряде больше 120 человек, он самый большой и авторитетный в нашей «черной» зоне, официально числится под номером семь, но все его именуют девятым. Когда я попал сюда в конце лета 2017 года, меня здорово удивило почти полное отсутствие физиономий ломбровского типа и явный избыток лиц, испорченных интеллектом. В каждом бараке как минимум один сумасшедший, которых старательно избегает администрация и охрана лагеря. Дебилов, учеников коррекционных школ и шизофреников не считаем. Что они здесь делают – вопрос. Мы выстраиваемся в колонны по пять человек между футбольным полем и церковью. Средний возраст зеков тридцать пять лет, средний срок отсидки 10—12. Наибольшие оптимисты – старики и те, кому сидеть больше двенадцати лет. В полный контраст с ними – малосрочники, кому пребывать на «Белой горе» от трех до пяти лет, которые сплошь пессимисты и паникеры.

Пенсионеров трое – Амфибрахий, Кучак и я. У всех литературные прозвища. Амфибрахий, в миру Сергей Михайлович Румянцев, озорной и языкастый старичок, получил свое «погоняло» от способа стихосложения, что, как известно, означает – сильный, или главный в центре. Александр Владимирович Глаголев, земляк Сереги и знакомый еще по «Ясногорской воле», почти полная копия героя известного романа Георгия Тушкана «Джура», Кучака. Он невысок ростом, полноват, имеет длинные, довольно умелые руки и благообразную внешность почти святого. Он замечательный слушатель, не лишенный юмора и здравого ума...

Слева от меня стоит Дима Агапов, по прозвищам «Учитель» и «Неуловимый Джо», с которым мы вместе приехали этапом из Нижнего Новгорода, а, ранее, сидели в «Бутырке», но, в разных камерах. Он постоянно пропадает на работе в «швейке», в церкви, а еще, в церковной библиотеке. Слева от него, или позади встает Руслан. Срок у него больше двадцати четырех лет, из которых два с лишним десятка отбыто. Он близок к религии и за то, что когда-то яхшался с сектантами, весь лагерь зовет его «Баптист».

Позади меня Костя «Медведь», знакомый еще по карантину. Справа, с задумчивой хитринкой улыбается Кучак, прислушиваясь к стоящему позади Сереге, который травит анекдот:

– На чемпионате мира по забиванию гвоздей лбом, в финал вышли лучшие «долбочесы» планеты. У них, как на подбор массивные квадратные челюсти, низкие твердокостные лбы, о которые ломают руки боксеры и глаза кафрского буйвола, не выражающие ничего, помимо агрессии.

Выходит, француз и забивает здоровенный гвоздь «на сто пятьдесят» с двенадцати ударов. За ним наступает очередь англичанина, который, презрительно оглядев соперников, зако-

лачивает цилиндрическую железяку с десяти ударов. Немец затрачивает на эту нехитрую, но болезненную операцию девять, а американец восемь ударов. Еще лучше выступают японец и китаец, которые выполняют соответственно пять и два тычка лбом.

Появляется русский, размером чуть крупнее горной гориллы, задалбливает гвоздь с семи ударов и ему тут же присуждают первое место.

В зале свист, команды подают апелляции. Судебная коллегия разъясняет:

– Да, действительно, представитель России затратил семь ударов, но забивал он гвоздь шляпкой вперед...

– Но это же больно – протискивается сзади Мишка Касоян, парень двадцати четырех лет, наивный очкарик интеллигентного вида. Вопреки внешности, его знания и манеры приближаются к нулю.

Мишке скоро выходить на свободу, и он одержим идеей-фикс научиться какой-либо специальности дней за пять-семь, на большее время у него не хватает терпения. Он подходит вплотную к Амфибрахию, снимает очки и подслеповато глядя задает вопрос:

– Почему ты на работу не ходишь? Ты же сам говорил, что металлист.

– Металлург – поправляет Сергей.

– Ну, все равно, деньги заработал бы, а, может и пораньше отпустят.

– Свят, свят, свят, я же православный мусульманский иудей, буддистского толка -Амфибрахий стаскивает казенную шапку и поднимает глаза к небу, не задирая головы. Это он нарочно дразнит Мишку, зная о его бездумно-почтительной позиции в отношении религии. Тот носитель армянской фамилии, является потомком выходцев из иранского Курдистана, но не мусульман, а огнепоклонников. Мишке с детства внушали страх перед любой религией, и он полон изумлением от нашего стариковского атеизма.

За бокалом чая, который он с удовольствием выпивает в нашей возрастной компании, а к ароматному напитку всегда прилагаются конфеты, печенье и пряники, и прочая халва, мы исподволь, ненавязчиво и постепенно разрушаем его восприятие любой веры. Мишка злиться, но потихоньку поддается. Однажды я его уговорил посмотреть в нашей церкви портрет Никоса Сафронова в образе Иисуса Христа, который он долго рассматривал с ворчливым недоверием и чуть не начал спорить в храме, призывая несчастья и недуги на голову местного богомаза. Дело в том, что лицо Сафронова Мишке знакомо, я недавно показывал ему журнал со статьей о нашумевшем художнике и мне пришлось успокаивать его:

– Ты еще не видел автопортрет Альберта Дюрера в виде богочеловека...

Контролер Никита, тридцатилетний малый с нарушенной координацией движений, дважды нас пересчитывает, спотыкается о кошку и долго стоит, складывая в уме, вознеся бездумный взгляд в небо. Он никогда не кричит на нас, поразительно напоминая выражением лица доброго душевнобольного, но рапорта, особенно первое время службы, строчил регулярно.

Вокруг меня стоят люди сплошь без татуировок. На воле, нередко, будучи на пляже, я разглядывал покрытых наколками с головы до ног личностей и думал, что передо мной бывшие авторитетные зеки. В лагере эта наивная уверенность сошла на нет.

Прихожане лагерной церкви усиленно тянули меня в свой коллектив, видимо чувствуя мое добродушие и лояльность, совершенно при этом не пытаясь заманить в свои сети Серегу с Саньком. На Пасху я был поставлен перед фактом: участие в крестном ходе не обсуждается. Пришлось выкинуть номер. Я написал на листе бумаги формата А-4 плакатик сомнительного содержания: «Граждане, будьте бдительны – берегите свои яйца на Пасху!» Конечно, пронести и продемонстрировать такую ересь мне не позволили, но посмеялись сами и, опека надо мной не стала столь назойливой...

Неугомонный Мишка надоедливо талдычит, уже в который раз, что, мол мы давно должны были подобрать ему работу и научить чему-либо. Амфибрахий с Кучаком отмахиваются, а я по мягкотелости пытаюсь втолковать армяно-русскому курду основы механики,

металлообработки и деревообработки. Прока от обучения нет, ему становится скучно максимум через двадцать минут. Мишка закончил русскую школу в Ельце, Липецкой области, блестяще говорит на московском диалекте, владеет курдским и армянским языками, понимает фарси, но техника оставляет его равнодушным. Прогресс заметен только в литературе – мы его пристрастили к чтению, и он уже не может оторваться от книг Дюма, Пикуля, Дрюона и Юрия Полякова.

Другие отряды стоят в нервном ожидании конца проверки, перебирая ногами по асфальту. Нам спешить некуда, всегда найдутся темы для принужденных бесед и озорных авантур. Александр Васильевич «Кучак» на год старше нас с Серегой, уравновешенно-предсказуемый, престарелый любитель боевиков. В разговор он вступает нечасто и всегда понятно, что от него можно ожидать. Мы же с Амфибрахией способны в любую минуту выкинуть фортель. Под ногами валяются бычки от сигарет, обгорелые спички и шелуха от семечек – признак недавнего ларька. Кошки, числом пять-шесть, с лентой пытаются поймать спящих тут и там голубей.

– Ну что, придумали чем мне заняться? Мишка пристально смотрит на Серегу Румянцева – Я давно дал вам задание.

Амфибрахий никогда не теряет, он шепчет на ухо Кучаку, чтобы тот не испортил комедии, подмигивает мне и с видом глубокой задумчивости выдает:

– Как говорил Гоголь – редкий баран долетит до середины Днепра – оттого и погибнет.

Мишка интуитивно сознает, что фраза двусмысленная и как-то его задевает, но ему и в голову не приходит мысль, о нашей способности перевернуть до неузнаваемости высказывания классиков.

Чтобы очкарик брюнет не допер до истинного смысла, я включаюсь в игру:

– Нашли мы работу. Тебе подойдет, только нас потом не забудь.

Мишка, по-восточному цветисто, клянется нас отблагодарить, а Серега, в этот момент, делает страшные глаза Кучаку, смотрящему на меня с изумлением.

– Твоя внешность подойдет идеально, только выучишь хинди, а, еще лучше, английский.

– Да ну, учить еще языки – разочарованно тянет курд.

– Не перебивай, а слушай внимательно. В Индии пятьдесят миллионов коров, они там священные животные и никто их не ест и не трогает. Ты являешься в коровий рай и заявляешь, что хочешь быть адептом индуизма, что миллионы людей готовы следовать за тобой. Говори с главными индустрами уважительно, у тебя получится. Бей на то, что мол, надо делиться святостью, то есть коровами.

– А что я делать буду с ними, их же не едят?

– Погонишь через границу – вступает в разговор Амфибрахий.

– Штук сто голов дадут? – Мишка явно заинтересовался.

Я обрушиваю на него информацию, ошеломляющую:

– Из-за какой-то сотни облезлых животных нечего бодягу разводить. В крупном деле – крупные цифры, меньше пяти миллионов ихних Зебу не проси, а то они сразу распознают в тебе афериста. Придется привлечь помощников, которые перегонят стада через границу.

– Сколько километров до Индии, это дальше, чем от Ельца до Москвы? А кормить их чем?

– Мишель! Не задавай наивных вопросов, а только слушай:

– Перегонять крупных рогатых святых придется зимой, лучше ранней. Травы в это время полно, температура плюс двадцать – сплошной комфорт. Главный вопрос – как продавать? Можно живьем, пересек границу и тут же сбыл по дешевке. Только лучше загнать их за хорошую цену, это посложнее, но доходнее. Часть можно обратить в консервы и продать в ту же Индию под видом деликатесных оленей, но тут нужно как следует продумать детали.

Мишкин взгляд становится отсутствующим, он напряженно пытается что-то понять и, наконец спрашивает:

– Сколько денег на этом можно взять?

Александр Васильевич, как человек близкий к сельскому хозяйству, уверенно и авторитетно заявляет:

Положим по двести килограмм на голову чистого мяса. Теперь сам считай.

Подопечный с математикой не в ладах; прихожу ему на помощь:

– Пять миллионов умножим на двести килограммов, получим миллион тонн. Далее умножаем на пятьсот рублей за килограмм мяса, получаем пятьсот миллиардов рублей, или больше восьми миллиардов долларов.

Мишка стоит в полупараличе. Амфибрахий приплетает для убедительности:

– Еще с таможеней надо договорится, шкуры, рога, хвосты и прочие копыта придется оставить таможенному населению или властям, консервные заводы арендовать...

Курд восторгается:

– Вот это да! А почему ни один дурак раньше до такого не додумался?

Я уверенно заявляю, глядя на начинающее покрываться звездами небо:

– Не каждому дураку такое по силам. Лучшие умы — «сидят», а интеллект и способности чиновников, ничего, кроме удручающего сарказма не вызывают. Главное нас не забудь, когда выйдешь и долю стариков-консультантов отложи.

Мишку уже начинает одолевать жадность:

– Каждый из вас получит по квартире и машине. Главное сделать, а советы давать каждый может.

Мы, как по команде, одновременно презрительно-разочаровано морщимся втроем и вызываем к его совести. Вокруг беззастенчиво ржут, или отворачиваются.

– Ладно, ладно – смягчается «бизнесмен», я вас не забуду, а вы мне еще идей подкиньте.

Раздается звонок – проверка закончена; основная масса устремляется в тепло двухэтажного барака. После проверки, пятиминутная словесная разминка и наша банда юмористических анархистов отправляется на вечернее чаепитие. Главных чаепитий два, после утренней и вечерней проверок, а, бывает, что усаживаемся в неурочное время. Мы, молодые пенсионеры, можем себе позволить подобное баловство – нас выручает пенсия, на которую покупаются сласти, сыр, колбаса и прочий ларечный ассортимент.

Рано утром, часов в шесть, или пять минут седьмого, мою кровать начинает трясти «Кучак» с требованием, чтобы я встал и шел на завтрак. Торопиться некуда, завтрак не убежит, и я ворчливо отворачиваюсь. Конечно, он укладывается спать, когда начинаются вечерние новости – около восьми часов и, естественно, к пяти утра высыпается, с кряхтением бродит и усиленно мешает самым сладким утренним снам зеков.

Ко мне, увы, сновидения не возвращаются и, ворочаясь с бока на бок, костеря мысленно неугомонного Кучака, вспоминаю, что сегодня в столовой дают рисовую кашу, любимую еду Мишки Касояна. Иду будить юного балбеса – сам он проснуться вовремя не в состоянии. Разбудить его – целая наука, спросонья он начинает пинаться ногами, поэтому пришлось разработать конструктивное противоядие. Я кипячу воду в бокале под чай, или кофе, беру горячий кипятильник и направляюсь к койке очкарика. Осторожно бужу его, чтобы не попасть под дрыгающие ноги самому и выставляю в виде мишени огонный нагревательный прибор. Действует безотказно. Я настолько его выдрессировал, что можно уже обходиться без пыточных средств. Мишка вскакивает со злобным полупсовым рычанием:

– У-ух, эти конструкторы, сталевары, пивовары! Я бы вас, стариков на цепи держал – никакого уважения к людям...

На утренней проверке уточняются детали говяжьей авантюры, которые к вечеру отшлифовываются окончательно.

Проходят еще пару дней. В бараке шмон. Довольно необычный. На среднестатистическом шмоне ищут «запреты» – телефоны, заточки, брагу или самогонку, ложки из нержавеющей стали и прочее, с чем на текущий момент идет борьба.

Трудно сказать, какой гениальный дурень и на каком этаже власти придумывает с чем бороться в этом месяце, квартале, или году, но, иной раз фсиновцы способны изумить самых спокойных и толстокоже-непробиваемых.

На сей раз борьба с книгами. После крика стоящих «на расходе»: «шмон в секторе», к нам забегают три запыхавшихся офицера. Сержантов и прапорщиков «на подхвате» не привлекли и обошлись без личного обыска. Старший объявляет:

– Внимание! Сейчас будет производится проверка на запрещенную литературу. Все книги будут изъяты, потом, после проверки, мы их вернем.

Опережая события скажу, что никто литературную продукцию, естественно, возвращать нам не собирался – это такой дешевый прием, чтобы держать контингент в постоянном нервном напряжении.

На моей тумбочке лежат пять библиотечных книг. Я начинаю апеллировать к старшему:

– Они же не краденые, на первой странице стоит штамп учреждения, значит цензурная комиссия их проверяла.

Тот лениво отвечает:

– Разберемся. Кстати, больше одной книги не положено.

Я возражаю, что сильно распалает стоящего до сей поры безмолвно лейтенанта. У него карикатурный вид карлика-переростка – короткие ноги, утиная, вперевалку походка и лицо тронутое послечернобыльской мутацией. Он орет, явно провоцируя меня на психический срыв и агрессию:

– Сейчас все скину, разорву и растопчу!

Верхняя книга лежит перевернутой – переднюю обложку не видно. Это показное, независимо-угодливое произведение известного журналиста и телеведущего Владимира Соловьева — «Путин, политический портрет». Я кладу книгу так, что нельзя не увидеть портрета Путина и ее названия. Никакого эффекта. Говорю:

– Это же книга о главе государства.

В ответ раздается матерное утверждение о нетрадиционном сексуальном контакте с президентом и добавляется нечто в мой адрес.

Я хватаю книгу и подаю дерзкому правоохранителю:

– Ну ка покажи, как ты ее будешь рвать и топтать.

До зарвавшегося кретина доходит смысл им же сказанного.

Я приседаю у тумбочки, достаю авторучку и тетради с литературными записями:

– Ваша фамилия, имя, должность?

– Я зам ДПНК – он пытается брать на горло, но звучит не очень убедительно; потом замолкает и его лицо становится серовато-бледным.

Конечно, я не собирался писать на олуха донос, ибо отношение к правящему режиму в местах заключения, мягко выражаясь – негативное...

Поздняя осенняя пора отличается не только рано сгущающимися сумерками, но и ощущением прохлады. Вечерняя проверка вновь затянулась – не хватает одного и нас пересчитывают вновь и вновь. Потом окажется, что это безумный «Таракан» прячется в сушилке. Но, даже получасовая задержка нас не обескураживает – мы очень плодотворно провели эти томибельные для других минуты.

Мишка не надел куртку, мерзнет, лязгая зубами, засунув руки в карманы и втянув голову в плечи, просит подкинуть еще темы, для добычи денег. Нам-то проще, мы старые волки, прошедшие огни, воды и трубы не только медные, но и железобетонные, одеты и обуты по погоде,

ничуть не озябли и готовы «травить баланду» еще хоть целый час. Моя мыслительная машина заводится моментально:

– Теперь переключаемся на Китай, где огромный дефицит деликатесных продуктов.

Главная тема – икра.

– Да ну вас! Где ее брать-то?

Быстрота мыслей Амфибрахия, это нечто среднее между зигзагом молнии и полетом стрижа. Я близок к нему по скорости раздумий, а шустрость мозга Кучака не уступает воробьиной, когда дерзкий серый разбойник лихо опережает голубей во время кормежки хлебными крошками. Мы выкрикиваем одновременно:

– В пруду!

Я растолковываю:

– Лягушачья икра в Китае очень дорого стоит, а в России два миллиона прудов. Сам посчитай, сколько продукта можно отправить. Главное, уметь правильно засолить, лучше со специями, но, не слишком острыми – она не хуже черной икры пойдет, которая нам останется со всеми осетрами, белугой, севрюгой. А лягушек – во Францию. Только лучше продавать французским посредникам прямо около прудов. Дешево, зато проблем нет с заморозкой, таможней...

– А что, неужели купят? Сколько на этом денег срубим?

– Больше миллиарда не взять – отвечаю я. Мишка разочарован:

– Маловато, что-нибудь еще подкиньте.

Кучак заботливо вставляет:

– Подскажу. Когда деньги закончатся, можно второй визит в Индию предпринять, святости мол, не хватило, но чревато, добавить могут кое-что другое.

Я оцениваю сообразительность Александра Васильевича и предлагаю:

– В твоём облике – сплошная святость, не пора ли тебя объявить богом Шурой. Богатых дур в Москве и области не перечесать, они на тебя непременно клонут. Города любую белиберду, а я переведу поклонницам, что, мол, бог Шура просит пару миллионов евро на карманные расходы. Тем более, что место вакантно – камера в Бутырке пустует, после бога Кузи. Чем ты хуже? У тебя имя гораздо солидней звучит.

Раздается долгожданная длинная трель звонка. Толпа, давась в проходе, мчится в комфортный уют барака.

31 июля 2019 года

Наши будни

Второй год охмуряю Кучака записаться в четвёртый класс нашей зонно-приходской школы. Он отнекивается, считая зазорным ходить с тетрадками на учёбу на седьмом десятке лет, хотя выглядим мы относительно свежо. Образование у нас есть, но на школьном стенде висит объявление, что играть в настольный теннис разрешается только ученикам.

Плавская ИК-4 находится к югу от Тулы, близ дороги на Минск и Орёл. В своё время некий премудренно-циничный лицемер решил именовать лагеря и колонии исправительными. За версту пованивает фальшью. Впрочем, любое учреждение – дитя системы, а яблоко от яблони, как известно, падает недалеко.

Другие федеральные службы называются коротко и солидно (я имею в виду сходные) ФСБ, ФСО, а которая «опекает» нас, звучит как-то по собачьи – ФСИН. Одно время хотел было предложить властям убрать букву И – контора зазвучит гораздо солидней – ФСН. Во всяком случае это честнее и правильнее. Не может быть никакого исполнения наказаний, это чиновно-бюрократическая белибердень, наказание можно только нести, но видимо, подобные псевдогосударственные деятели не знакомы с правилами русского языка...

16 апреля наш юмористически-хулиганский коллектив понёс радостную и почти невозможную утрату – после подачи дерзкой апелляции, мгновенно, в тот же день освободили Сергея Михайловича Румянцева – главного генератора смеха и хохота. Я возвращался из бани и повстречал его около ларька. Серёга, он же Амфибрахий, выглядел абсолютно растерянным, каким я легенду не то, что нашего «проходняка» а целого крыла барака, никогда до сих пор не видел. Он ошеломлённо произнёс, ковыряя носком ботинка свежевываженный цветочный газон:

– Меня отпускают домой. Сказали – собирай вещи и уходи...

В спешном порядке организовали импровизированное прощание с грандиозным пряничным чаепитием. Вот где пригодился склероз Кучака; он, минимум дважды сослужил замечательным образом. В первый раз, когда нас вызвал на беседу пучеглазый майор ущербно-высокомерного вида и пытаюсь ошеломить нахрапом, заставлял пенсионеров, меня и Александра Васильевича выходить на работу. Я-то «смикитил», что старший офицер строит беседу по накатанному простенькому шаблону психического давления, а растерянный Кучак заохал, что, дескать у него возраст не тот и здоровье не ахти. На суровый вопрос: сколько ему лет? Кучак ответить не смог, мы с ним стали спорить о его годах так, что изумлённый нашей глупостью майор в сердцах вытолкнул Александра Васильевича и меня из кабинета. А мы ломились обратно, заявляя о грешности старческого труда и довели грозного пучеглаза до состояния ступора. Второй раз, рассеянность и склероз, рукой некоего провидения, вовремя проявил себя в ларьке, когда Кучак ухитрился купить пряников на семь тысяч рублей. Дело было так. В прохладный час утренней апрельской проверки, я сжимал в руках свёрток с пакетами и сумками, торопясь после звонка в наш зачуханный магазин-ларёк. Пенсионеры проходят без очереди, но стоит слегка зазеваться, как вломятся на наше законное место молодые, беспардонные наглецы. В прошлом, мне доводилось заниматься спортом, кое-какие навыки сохранились, и я мчусь, если не первым, то вторым или третьим к заветной цели.

Мы с Амфибрахией оторвались за считанные минуты и, забыв о Кучаке (лопухи!), уселись на тёплую батарею, сыпя анекдотами и срамными стишками. Потом, по топоту и сердитому перешептыванию, поняли, что -то у окошка выдачи нечисто. Оказалось, что на Александра Васильевича Кучака (на свободе – Глагольева) навалилась забывчивость. Он уже три раза подряд купил пряники, стоял в столбнячном параличе, а по ту сторону окна кипела продавщица Иосифовна, красная от негодования: – Ну, а ещё что будете покупать? Вот конфеты, халва, печенье, вафли, стущённое молоко... – Теперь – пряников мне.

Иосифовна, крупная дама, когда-то брюнетка, лет шестидесяти, закатила глаза: – Сколько? – Пакетиков пять.

Она швыряла упаковки с откровенной злостью. Кучак просунул в окошко голову и спросил:

– Сколько у меня денег осталось? – Три тысячи четыреста рублей. – Тогда на остальные – пряников. Хохот тридцати человек потряс помещение магазинчика.

Втроём еле допёрли наши покупки, под шутки, приколы и хохмы «сидельцев», а трокнутый лысиной, добрый майор Миняев, широко распахнул удивлённые глаза, когда наша троица пропыхтела с перегрузом мимо него.

Зато как пригодились эти пряники на проводах Серёги на волю...

В ремонтируемом крыле накрыли стол, и возбуждённые невольники давали скоропалительные советы освобожденному, а кроме того, интересовались, как он станет добираться до дома. Амфибрахий нервно отшучивался – Могу как в армии, марш – бросок и я в квартире. Мне-то недалеко, меньше ста вёрст, за один раз, как у Скобелева не получится, а в два перехода – одолею.

– А ты что, правда в армии служил

– Недоверчиво спросил худой бывший наркоман с полупустым взглядом («Небритый Тузик»).

– Ещё как!

– И награды имеешь?

– Как дважды рыцарь женской бани, я был серьёзно награждён...

Вот и август пришёл. Сегодня четвёртое число – день рождения «Сопатого Хряка», точнее юбилей, ему сегодня 60 лет. Нет-нет, он не осужденный и не «Сопатый», и не «Хряк», он Сергеев Анатолий Анатольевич, честный труженик польского предприятия «Белла», а прозвище осталось с давних времён Хрущёва и начинающего Брежнева. В те насытые времена у всех уличных ребят рёбра торчали, а сын шеф повара рос неповоротливым толстячком, к тому же страдал избытком соплей и, нередко жаловался: «что-то я осопател».

Позвонил ему, хотел преподнести сюрприз – поздравить, но к телефону никто не подошёл. А позавчера, 2 августа, день Ильи пророка и ВДВ, тоже прошёл без моего поздравления с днём рождения брата Михаила, в просторечии – Мишки. Толи сестра дала неправильный номер, толи я записал неверно. Ошибка в одну цифру испортила весь праздник. Созвонились мы с опозданием, когда выяснилась ошибка, но лучше поздно, чем никогда.

Мишка с плевательной благодарностью отзывался о правительстве и желал ему всяческих успехов в продолжении курса недалёковидного государственного кретинизма, считая, что тяжесть глупости сама раздавит вороватую систему. Ему давно уже работать тяжело, можно сказать, на пределе. Он дежурный электрик-аварийщик в бывшем Мосэнерго, в Восточных сетях. Ему шестидесятый год, а старше срока на подобном месте не держат – нагрузки непосильные. Днём и ночью приходится выезжать на обрыв сети, как правило на фидерах – электролиниях напряжением 10 тысяч вольт. Зимой, по сугробам шагать через леса в одиночку (машина с водителем может подбросить только по дорогам) не ахти какое приятное занятие, да ещё с полной выкладкой – инструментами и когтями – лазами. Чуть проще в жилых постройках, там линии низкого напряжения 380 и 220 вольт и более-менее удовлетворительная доступность. И везде надо торопиться, ибо низкомудрые законодатели с популистским апломбом ввели норму – на любой ремонт, на исправление любой поломки – не более 2 часов. На все предложения регламентировать работы, согласно здравому смыслу, «верхи» отписываются, что работа на свежем воздухе приятна и полезна и отойти от ими обозначенных нормативов никак нельзя. Видимо, работа на «тухлом» воздухе высоких кабинетов сильно изменяет их мыслительные способности...

Да, август. Пора снова тащить Кучака в школу. Когда я в прошлом году попытался прилепиться к учёбе, меня с позором изгнали сдуру ответил на все тестовые вопросы) и заявили, что, судя по ответам, у меня три академии за плечами. Александр Васильевич в таком деле незаменим. Я буду молчать, изображая двоечника, а ответы Кучака должны удовлетворить педагогов. Санёк заядлый рыболов, почище, пожалуй «Бубнового Короля Степана», в «зоне» он вяжет рыболовные сети, нелегально, конечно, доплывает второй гектар. Интересно, какой процент ниток из швейки идёт на его прихоть?..

На вечерней проверке меня «осенило». Наше построение напоминает треугольник. Впереди, на левом фланге, маяком торчит длинный Серёга Зуб, а по диагонали, на правом фланге, сзади, высится Виталик Барцевич. Где-то в середине диагонали пристроился рослый Володя Летунов, который спит над Кучаком. И тут мне в голову залетела мысль о трёх мемориальных досках, или табличках. Так как Александр Васильевич является героем уже шестого моего произведения, я простецки озвучил уверенность, что когда-нибудь будут повешены мемориальные доски на дом, в котором он зарегистрирован, на наш барак и разумеется на кровать – место его отсидки; давно уже известно, что сидеть лучше лёжа. Мне нетрудно было обрисовать герою аккуратно заправленную кровать с табличкой, надпись на которой гласит, что он навечно зачислен в списки заключенных, как легендарный герой...

Если подняться на третий этаж нового корпуса, то во всей красе представится вид кратера Белой Горы. Когда-то, судя по всему, давно, на месте колонии шли разработки известняка.

Если смотреть на размеры карьера, то легко прикинуть в уме, сколько миллионов тонн белого камня добыто. Известняк широко используется во многих отраслях, от строительства, до производства сахара. Эта ценная карбонатная горная порода хорошо годится для щебня цемента и извести. А, возможно, это вообще доломитовые разработки. Эти камни близкородственные, издавна их не отличишь.

Поверхность «зоны» имеет значительный уклон к западу. Климат здесь чуть суше и чуть теплее Московского, всё-таки 53 градуса северной широты, это не 56 градусов Москвы, но зона почти степная. Редкие заросли березняка кое-где виднеются в северном направлении, у воды – ветлы с ивняком, а самом посёлке тополя, да местами липы. Ещё недавно работал на полную мощность вентиляторный завод. Его остатки, скорее останки, образуют промзону с жалкими крохами не вывезенного и не сданного в чермет оборудования. В колонии более тысячи двухсот заключенных, но работы хватает едва на каждого шестого. Виной тому не столько бледная немочь руководства, а скорее устраивающее тотально всех положение. То, что осужденные не хотят работать, не секрет, да и какой дуралей добровольно пойдёт на тяжелый, бездарно организованный труд с месячной зарплатой, которой хватит на две пачки сигарет, или пару бутылок подсолнечного масла. Колонийное начальство тоже довольно – никто с него не требует грамотной организации процесса производства, на которое оно не способно по определению. Вышестоящему руководству тоже абсолютно не нужны грамотные и инициативные подчинённые. Без них спокойнее, а строчить липовые радужные отчёты на самый верх они давно навострились...

Мой путь в Плавск отличался зигзагообразностью. Дважды побывал в СИЗО-7 Егорьевска, по разу в Бутырке, в институте Сербского, в психбольнице №5, в СИЗО 5 Коломны, в СИЗО-11 Ногинска, в СИЗО-1 и 2 Нижнего Новгорода и Нижегородской ИК-5. Отправленный из ИК-5 этапом, проколесил по восьми областям, в том числе северным и северо-западным. Едва не добравшись до Санкт-Петербурга, на третьи сутки очутился в Туле. Как говорится, весёлых дней несчётное мельканье.

Перечитывая «Архипелаг ГУЛАГ», уже с другого ракурса, убеждаюсь – за восемьдесят лет ничего, или практически ничего не изменилось, как минимум в транспортировке зеков. В судах положение ухудшилось, во времена Сталина, судьи были почестнее, хотя и бесправнее и, вдобавок, боялись владыку. Прокуратура же так и осталась конторой – недоразумением.

Опера – нахрапистые садисты-незнайки и следователи, у которых в глазах только калькуляторы подсчёта денежных купюр, вообще недостойны упоминания.

В томительной неопределенности нижегородского бытия, вынырнул вдруг лысый, с лисьей физиономией лесопромышленный деятель, который «рулил» переработкой древесины в одной из местных ИК уже лет семь или восемь. Он с уверенной нахрапистостью обрисовал глупую, до убогости картину, где, с кем и как мне придётся вкалывать. Видимо, мои глаза были распахнуты от лёгкого ужаса, при описании феодально-рабовладельческого способа деревообработки. «Деревянный» руководитель, поощрительно, с оттенком лестии втюхивал мне:

– Нам такие специалисты нужны. Если что не знаешь, мы тебя поднатаскаем (!). Только учти, просто так попасть ко мне сложно. Звони домой, пусть мне на карточку переведут тысяч пятнадцать рублей, а я всё устрою.

На мои возражения, что денег дома нет, он смягчился: – Ладно, хватит тысяч семи-восьми. Я перешёл в атаку: – Если моей семье перечислят похожую сумму, то и подумать можно.

– Что ты за деньги цепляешься? – вяло осерчал бревенчатый начальник – пусть займут, потом мы любую сумму «отобьём». Если ты наладишь производство тары, да мы только поддоны реализуем рублей по семьдесят, а то и все восемьдесят.

Глупая растерянность, которая расплылась по моему лицу, заставила его спросить:

– Что не так?

– Да всё не так! Я продавал бельгийцам по семьсот пятнадцать и не считал такую цену чрезмерно высокой. Как можно на такой дешевке что-то заработать? Да уж ладно про заработок, так эта цена даже затраты не окупит.

Физиономия опилко-брусового босса приобрела выражение снисходительно-поучительное, с оттенком тюремного снобизма:

– Молодой человек (а я старше на двадцать семь лет) вы ещё ничего не понимаете, ни в работе, ни в нашей экономике. Лес у нас – дармовой, рабочая сила не стоит ничего, или почти ничего. Задача простая – научить неумех делать поддоны, чтобы штук по тридцать в день у них получалось, а то больше десятка на рыло никак наколотить не могут.

– Что, правда десять поддонов за смену изготавливает один человек?

– Ну да! Таскать от пилорамы до цеха – двести сорок метров, потом по цеху сто десять, до торцовки и снова обратно, где тару сбивают. Доски-то носить легче, да и готовые поддоны складировать у выхода, для облегчения погрузки. Вот горбыля у нас..., его бы тоже в переработку, а то сжигать потихоньку приходится.

– Много горбыля то?

– Много, несколько тысяч кубов. Пожарники уже визжат.

– Но должны быть циркулярки?

– Есть две штуки. Одна не работает, а у другой выход пилы семь сантиметров. Да людшек надо пошустрее, а то возьмёт одну досочку и плетётся с ней, как в штаны «наложил». Бегом надо бегать, а у меня руки всё не доходят.

Голова моя пошла кругом. У меня едва хватило сил на вопрос:

– Ну, хорошо, от пилорамы до цеха далеко, но по цеху-то зачем ещё двести с лишним метров передвигаться. Можно, даже нужно, торцовку ставить близ «кондукторов», в которых поддоны собирают.

– Какие ещё кондукторы, не в трамвае небось. Торцовку тоже не переставишь, там рейсмус мешает, а у другой стены скамейка.

Раньше мне не приходилось сталкиваться с подобными «дубовыми пнями», но как говорится у глупости нет предела. Доконал он меня вопросом:

– Кстати, расскажи, что такое рейсмус?

– Калибровально-копировальный строгальный станок. Он повторяет противоположную поверхность и калибрует по заданному размеру.

Хвойно-лиственный барин осерчал:

– Ты мне ясно скажи, на нашем языке, а не бормочи муть непонятную.

Тут же выяснилось, что я распинаясь в красноречии перед пустоголовым «не пушателем» который, понимает в деревообработке не больше, чем дятел в искусстве кватроченто. Каюсь, сгоряча наговорил этому системному ублюдку, много «лестных» слов, не страдая излишней дипломатичностью, послал куда подальше.

Неизбежная реакция златоуста – неумейки сказала на нашей камере не самым добрым образом. В хате №93 подобрали постояльцев с более чем сомнительной виной. Вся четвёрка уже имела срок, то есть осуждена. Ждали апелляционного суда. Проще всех виделось дело Генки – еврея, нелепое до глупости, циничное, до утраты здравого смысла. Его обвинили в проникновении на собственную дачу и краже из холодильника четырёх банок. Причём две банки тушенки он съел, а две другие, оказавшиеся мясной кашей «завтрак туриста», выбросил в мусорное ведро.

Его отец, после кончины супруги – матери Генки, женился на своей секретарше. Отношения с мачехой не заладились, тем более что та была младше пасынка. Отец вскоре свалился с жестоким инсультом и стал напоминать овощ. Генка, к тому времени в квартире не проживал. Ушлая дама, какими-то зигзагами оформила имущество на себя. Спустя неделю после «набега» пасынка на дачу, «наследница», войдя в помещение, чуть не задохнулась от вони из мусорного ведра (банки то он вскрыл). Недолго думая, накатала заявление на «сынка». Срок дали смешной, но ведь дали!

Из камеры забрали Сашку «Боксёра», реального мастера спорта в весовой категории до 91 кг, а на его место вперли «подсадную мразь» Вову, которого мы быстро разоблачили и выкинули из хаты вон. С тех пор мне неизвестно ничего о Генке и о «Винте», с его вызывающим саркастическую усмешку обвинением в умышленном убийстве, где трупы нет, но есть справка косметологической клиники, в которой написано, что он мог (!) задеть артерию. Приговор неоригинален – 10 лет.

Узников камеры №93 разбросали по разным хатам. Не знаю, как остальных, а меня маленько «подрихтовали» и отправили этапом в ИК-5, с липовым документиком, что я, де страдаю припадками и покалечился сам.

В Нижегородской ИК-5 моим соседом вновь оказался Сашка «Боксёр». Срок у него несолидный, дело ещё не солиднее. Два мастера спорта, тяжелого и полутяжелого веса, повздорили на загородной даче из-за девицы. Сашка сумел нокаутировать визави и, вместе с молодой дамой уехал к ней домой, забрав мобильник поверженного, чтобы сдуру, или сгоряча не вызывал тот полицию. Утром, часов в семь, парочка вернулась вместе с телефоном, однако было поздно – оскорблённый тяжеловес заявление уже написал в местное отделение полиции. В итоге – 3 года срока, по статье 162...

Первые сутки этапа пришлось потерпеть, нас утрамбовали, как селёдок в бочку, даже шевельнуться было проблематично. Зато, после Рыбинска, началось приятное путешествие – более половины (значительно более) попутчиков ссадили и оставшиеся смогли разместиться на трёх ярусах жёстких полок...

Карл Маркс рассуждал об идиотизме деревенской жизни, опасаясь, вероятно, тяжёлого труда. Интересно, что написал об этом бы этот философ-белоручка о «великой» осмысленности бытия тюремного, а самое главное, кого бы он определил на место потенциального гегемона.

В карантине ИК-4, нас собрали, и повели в воспитательный отдел. Это заведение ещё ждёт своих сатириков, юмористов и горькописцев. Там встретил новичков суровый пучеглаз майор с компанией и две профессионально доброжелательные дамы – психологини, абсолютно

бесправные, присутствующие вроде необязательного пейзажа на картине инструктажа конвоя. Майор имел уничтожающе – испепеляющий взгляд, но ответного заряда ненависти моего взора не выдержал и опустил свои очи, бормотнув при этом:

– Работать пойдёшь!

Человек я, по сути, добрый и, если мягко относится, из меня верёвки вить можно, но любую немотивированную карательную жестокость воспринимаю в штыки. Пришлось сдерживать:

– Да, только портянки засучу.

Потом мы перепирались на повышенных тонах. Я его изводил каверзными вопросами и технической терминологией, от которых он очень искусно увёртывался и через пару – тройку минут начал «сдуваться»!

Понятное дело – на полукаторжный труд, моего согласия администрация не получила.

Ещё перед карантином нас, двенадцать этапников, завели в отдел приёма, с баней, стрижкой наголо, отбором личных вещей и выдачей невольничьей одежды. Краснорожий капитан классически-алкоголичного вида (каким он и оказался) из двух новеньких пар носков сотворил одну – разъединил, порвав связывающие нитки и по одному носку вернул мне, два других зашвырнул под стол. На мой робко возражающий писк, поклонник Вакха презрительно ворчнул:

– А ты как думал? Не будешь преступления совершать. По другому с вами нельзя.

У меня отобрали адидасовский спортивный костюм с эмблемами профессиональной спортивной команды, куртку, джинсы, футболки и рубашку, две пары чёрных ботинок, оценив все вещи без исключения в 10 рублей, то есть меньше стоимости полбатона хлеба. Потом заставили расписаться, что в случае пропажи или порчи вещей, мне вернут эту «громадную» сумму денег.

Первым из аборигенов колонии которого я встретил, оказался Кучак. Нашу вновь прибывшую орду повели в медсанчасть, а он сидел перед входом на скамеечке и старательно растирал ноги, как оказалось – больные...

Кстати, о Александре Васильевиче, опять он подвёл. Когда пришёл после обеда директор, записывать на учёбу, Кучак, с несвойственной ему прытью исчез из поля зрения за секунду. На моё бурчание он резонно возразил, что в настольный теннис играть не умеет. Вот уж не ведал не гадал, ладно, придумаем нечто другое.

Зоновская больница, узкое длинное здание в один этаж скромной прошловековой архитектуры поселкового и мелкоуездного типа. Старенькая лекарисса (за семьдесят лет) явно взволновалась, померя давление у меня и что-то шепнула завхозу карантина. Тот каждое утро отправлял меня за таблетками, причитая:

– Ты только не помри в карантине, у тебя давление больше двухсот сорока, продержись уж до распределения в отряд.

В больницу я, конечно, попал. Не по своей воле, а будучи доставлен туда в бессознательном состоянии. Впечатление от карательной медицины крайне далеки от лестных.

Заведующая медицинской частью Ольга Ветлянских, дама средних лет и такой же фигуры, нормальной симпатичности, с претензией на холеность, подполковник внутренней (!) службы. Не знаю какой она доктор, во всяком случае, я в ней врача не заметил. Сомневаюсь, что она местная, манера разговора и речь слегка отдают русско-закавказским снобизмом. Так и хочется ей предложить рябчиков с ананасами под ведро браги, изысканный веер и перо павлина в причёску. Принцип лечебного процесса способен разгадать разве что великий Блез Паскаль со своим треугольником, да Ньютон с Лейбницем – отцы интегрального исчисления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.